

S T U D I A P H I L O L O G I C A

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

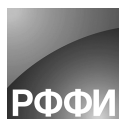
Е. А. Лютикова

СТРУКТУРА
ИМЕННОЙ ГРУППЫ
В БЕЗАРТИКЛЕВОМ
ЯЗЫКЕ

Издательский Дом ЯСК
Москва 2018

УДК 80/81
ББК 81
Л 96

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 17-16-00075, не подлежит продаже

Печатается по решению Редакционно-издательского совета и постановлению
Ученого совета филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
и по решению Ученого совета Института «Высшая школа образования» МПГУ

Рецензенты:

д. филол. н., проф. *И. М. Кобозева*,
д. филол. н., проф. *А. В. Циммерлинг*

Лютикова Е. А.

Л 96 Структура именной группы в безартиклевом языке. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 440 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-9500885-8-2

В монографии исследуется внутренняя структура именных групп безартиклевых языков. Ставится цель показать, что синтаксическое устройство именной группы универсально и не предопределяется таким параметром, как наличие либо отсутствие артикля в лексиконе языка.

Монография вносит значимый вклад в понимание структуры именных составляющих в естественном языке, обобщает и классифицирует возможные конкретно-языковые диагностики функциональной структуры именной группы, вскрывает взаимосвязь между внутренним и внешним синтаксисом именных групп, опирающуюся на соотношение падежного признака, категориального статуса и интерпретации именной группы. Аргументируя единый подход к устройству семантико-синтаксического интерфейса, синтаксической репрезентации семантических типов, способам синтаксического насыщения аргументных позиций в артиклевых и безартиклевых языках, работа обосновывает гипотезу о микро-, а не макропараметрическом варьировании в области синтаксиса именных конструкций.

Монография рассчитана на специалистов в области теории языка и типологической лингвистики, аспирантов и магистрантов, специализирующихся в области синтаксиса и лингвистической типологии, а также всех лингвистов, интересующихся формальным моделированием естественного языка.

ISBN 978-5-9500885-8-2

9 785950 088582 >

УДК 80/81
ББК 81

*В оформлении переплета использована работа
Эль Лисицкого «Без названия» (1920 г.)*

© Лютикова Е. А., 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018

Оглавление

Введение	9
Глава 1. Группа определителя и иерархическая структура именной группы	23
1.1. DP в безартиклевых языках: основные аргументы	34
1.2. Островные свойства DP в русском языке	49
1.2.1. Событийные именные группы в составе коллокаций ...	50
1.2.2. Структурные типы именных групп и их проницаемость в конструкциях с событийными существительными ...	59
1.2.3. Другие конструкции и феномены	86
1.3. DP и актантные предложения в осетинском языке	92
1.3.1. Структура клаузы в осетинском языке	92
1.3.2. Структурные типы сентенциальных актантов в осетинском языке	97
1.3.3. Смежные и разрывные конструкции	99
1.3.4. Сентенциальные актанты без прономинального элемента	106
1.3.5. Анализ	109
1.3.6. Некоторые следствия	122
1.4. Выводы по главе 1	123
Глава 2. Посессоры в структуре именной группы	127
2.1. Синтаксические характеристики посессоров	131
2.2. Структурная позиция посессора и его свойства в татарском языке	145
2.2.1. Формальные характеристики изафетных конструкций	146
2.2.2. Структурная позиция посессора	151
2.2.3. Категориальный статус посессора	158
2.2.4. Интерпретация посессора	162
2.3. Русский генитивный посессор и гипотеза DP	171
2.3.1. Порядок слов в именной группе с двумя аргументами ...	174

2.3.2. Генитивные зависимые в именных группах малой структуры	179
2.3.3. Процессность и производность	181
2.3.4. Притяжательные местоимения и прилагательные	184
2.3.5. Посессор в структуре русской именной группы	187
2.4. Выводы по главе 2	191
Глава 3. Признаковая и линейная структура именной группы	193
3.1. Признаковая структура именной группы	194
3.1.1. Категория числа и ее синтаксическая имплементация ...	195
3.1.2. Согласовательные характеристики русских именных групп	210
3.2. Линейная структура именной группы	235
3.2.1. Инверсии в русской именной группе	239
3.2.2. Линейная позиция и сфера действия операторов	280
3.3. Выводы по главе 3	297
Глава 4. Относительные клаузы в структуре именной группы	299
4.1. Относительные конструкции в типологической перспективе ...	301
4.2. Структура рестриктивных относительных предложений ...	315
4.2.1. Стандартный анализ	316
4.2.2. Анализ с подъемом	332
4.3. Appositивные относительные предложения	361
4.3.1. Синтаксический статус аппозитивных клауз в структуре главного предложения	363
4.3.2. Внутренний синтаксис аппозитивных относительных предложений	373
4.3.3. Проспект анализа	378
4.4. Выводы по главе 4	380
Заключение	383
Список условных обозначений и сокращений	385
Список литературы	389
Указатель языков	437

Благодарности

Эта монография обобщает исследования именной группы в разноструктурных языках, которыми я занималась в большей или меньшей степени на протяжении почти всей моей научной биографии и которые в итоге легли в основу моей докторской диссертации. Пользуюсь возможностью выразить искреннюю признательность моим коллегам и друзьям за неизменную помощь и поддержку. Научное и личное общение с ними были и остаются для меня источником самых радостных переживаний.

Долговременные проекты в области фундаментальной науки невозможны без финансовой поддержки со стороны научных фондов. Я рада отметить, что исследования по теоретической лингвистике, русскому языку, языкам народов России входят в число приоритетных направлений, получающих поддержку фондов. Результаты по алтайским языкам, представленные в монографии, опираются на исследования в рамках проекта РФФИ 13-06-00884а «Исследование морфосинтаксических параметров межъязыкового варьирования в уральских и алтайских языках» (2013–2015) и 16-06-00536а «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках» (2016–2018). Они легли в основу разделов 2.2, 3.1.1, 4.1 монографии. Изучение семантико-синтаксического интерфейса в русском языке велось в рамках проекта РНФ 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка».

Отдельно мне хотелось бы подчеркнуть важность издания лингвистической научной литературы на русском языке. Благодаря финансовой поддержке научных фондов и высокому профессионализму сотрудников Издательского Дома ЯСК результаты работы российских и зарубежных ученых становятся доступны отечественному читателю в виде монографий, удовлетворяющих самым высоким стандартам редакционно-издательской подготовки и специфике представления лингвистических данных и анализа.

Введение

Мысль, что языки значительно отличаются друг от друга, пришла в голову, наверное, первому же человеку, который попытался сравнить их между собой. Для того чтобы понять, что языки очень разные, не нужно обладать специальными знаниями или специальной методикой оценки — в общем случае мы не понимаем человека, говорящего на другом языке. Понятно также, что отличия между языками не сводятся к отличиям между словами: обладание русско-турецким словарем не делает нас способными говорить, писать или понимать по-турецки. Языки существенно отличаются друг от друга с точки зрения грамматики.

Грамматические различия, очевидным образом, затрагивают самые разные компоненты языка: набор и разработанность грамматических категорий, порядок слов в предложении и аффиксов в словоформе, приемлемость различных синтаксических конструкций. Так, например, в русском языке имеется грамматическая категория рода, отсутствующая в турецком языке; в турецком языке, в отличие от русского, обладаемое согласуется с обладателем в лице и числе; в русском языке в основном используются предлоги, а в турецком — послелогои; в русских номинализациях на *-ние/-тие* дополнение не может получать винительный падеж, а в турецких номинализациях — может и т. д. Взятые в совокупности, такого рода различия между языками определяют языковое разнообразие в области грамматики.

Целенаправленное изучение языкового разнообразия возникает в научной повестке дня лингвистики лишь в середине XX в. Предыдущие поколения лингвистов, безусловно, отмечали межъязыковое варьирование, но подходили к нему с таксономической точки зрения (см. анализ в [Журина 1972; Croft 1990; Алпатов 2005]). Так, авторы грамматики Пор-Рояля расценивали различия между языками как отклонения от согласующегося с разумом «идеального образца»; такой подход к межъязыковому варьированию, естественно, не предполагал вопроса о пределах этих отклонений. Морфологические классификации языков — достижение лингвистики XIX — начала XX в. — носят скорее дедуктивный характер: они помещают язык в некоторый класс таксономии, задаваемой логически

возможными соотношениями между грамматическими категориями и способами их выражения в языке; в этом случае межъязыковое варьирование определяется самой классификацией, которая *a priori* предполагает, что языки могут быть любых типов.

Вторая половина XX в. характеризуется возникновением нового подхода к языковому варьированию: лингвистика осознает языковое разнообразие как важнейшее и неотъемлемое свойство своего предмета, такое свойство, изучение которого может пролить свет на природу языка как такового. Это дает толчок развитию двух направлений в лингвистике, каждое из которых ставит перед собой задачу предложить такую модель языка, которая учитывала бы и практически бесконечную поверхностную вариативность грамматических структур, и тот факт, что, несмотря на эту вариативность, мы в состоянии отделить естественный язык от того, что естественным языком не является — сигнальных систем животных, языков программирования, искусственных языков и т. д.

Одно из этих направлений — лингвистическая типология. Типология отвечает на вопрос о том, чем языки могут отличаться друг от друга и что в языке остается неизменным, эмпирическим путем [Dryer, Haspelmath 2013]. Ставя перед собой задачу выявить возможные и невозможные типы языков, сформулировать ограничения на языковое варьирование, лингвистическая типология представляет содержательные обобщения о естественном языке в виде утверждений о свойствах, присущих всем или почти всем естественным языкам (например, в виде абсолютных и статистических универсалий [Greenberg 1963; Dryer 1992; 1998]) либо в виде утверждений о возможных значениях признаков, отличающих языки друг от друга (например, грамматических иерархий [Silverstein 1976; Comrie 1989; Croft 1990; Haspelmath et al. (eds) 2001; Song (ed.) 2010]).

Другое направление — это моделирование языкового разнообразия в рамках теории грамматики. Многие школы теоретической грамматики исходят из предположения, что значительное структурное сходство между естественными языками определяется единым способом их устройства — универсальной грамматикой. Универсальная грамматика, с одной стороны, может концептуализироваться как обобщение над всеми грамматиками конкретных языков [Bybee, Dahl 1989; Плунгян 2011], а с другой стороны, представляет собой систему, из которой может быть получена грамматика каждого конкретного языка [Chomsky 1993; Jackendoff 2002]. Данная система представляется как совокупность универсальных принципов, воздействующих на языковую структуру и ограничивающих ее варьирование, и универсальных параметров, разнообразные сочетания значений которых и создают типологическое своеобразие конкретного языка.

В силу сложившейся традиции лингвистическая типология ассоциируется с функциональным направлением в лингвистике, в то время как теория грамматики — с формальным (в первую очередь, генеративным) подходом. Функциональное и формальное направления существенно расходятся в оценке факторов, влияющих на «дизайн» языка: вызвано ли формирование ограничений на естественный язык давлением эволюционных факторов, связанных с процессами использования языка, или эти ограничения внутренние, обусловленные устройством вычислительной системы человека и спецификой ее интерфейсов [Chomsky 2000; 2005; Givón 1995; 2014]. Тем не менее весьма показательно, что и в том, и в другом случае диапазон языкового разнообразия и пределы его варьирования описываются при помощи двух понятий: принципов (универсалий, «констант») и параметров («переменных» языка, [Кибрик 2003]).

Параметризация грамматического разнообразия естественных языков — чрезвычайно активно и плодотворно развивающееся направление лингвистики конца XX — начала XXI в. Смысл параметризации состоит в том, чтобы с определенным значением параметра был связан не один признак языка (в таком случае параметр ничем не отличается от конкретно-языкового правила), но по возможности группа свойств, образующих кластер и характеризующих грамматику языка. Таким образом, параметризация одновременно и исчисляет языковое разнообразие, и ограничивает его:

Часто предполагается, что условия на применение правил должны быть максимально общими, даже универсальными, но это предположение не обязательно, если установление параметрического условия позволяет нам существенно сократить класс возможных правил¹.

Параметризации подвергались как грамматические системы конкретных языков, так и принципы универсальной грамматики. В каждой области были получены существенные достижения. Так, были предложены параметры, регулирующие возможные в языке передвижения вершин. Передвижение лексического глагола в предикативную вершину (V-to-T) во французском и отсутствие такого передвижения в английском задает целый класс отличий в структуре клаузы: взаимное расположение глагола и наречия, глагола и отрицания, способность лексического глагола

¹ «It has often been supposed that conditions on applications of rules must be quite general, even universal, to be significant, but that need not be the case if establishing a 'parametric' condition permits us to reduce substantially the class of possible rules» ([Chomsky 1977b: 175], здесь и далее перевод мой. — *Е. Л.*).

к инверсии с подлежащим в вопросительных предложениях [Pollock 1989]. Передвижение содержимого предикативной вершины в вышестоящую вершину комплементаризера (T-to-C) и признак EPP последней вершины, требующий заполнения левой периферии, создает класс языков V2, обладающих комплексом общих свойств: вторая позиция спрягаемого глагола в независимом предложении, ровно одна составляющая любой категории в первой позиции, заглагольные подлежащие при продвижении в первую позицию дополнения или обстоятельства и др. [den Besten 1983]. Передвижение существительного в глагольную вершину (N-to-V) отвечает за наличие в языке сложных предикатов с именным первым компонентом и возможность инкорпорации объекта [Baker 1988].

Отметим, что указанные параметры могут быть представлены как варьирование признаков конкретных вершин: например, в языках V2 комплементаризер, возглавляющий независимое предложение, обладает (сильным) признаком времени (вследствие чего притягивает содержимое предикативной вершины T, обладающей данным признаком) и признаком EPP (вследствие чего происходит передвижение одной из составляющих предложения в первую позицию либо вставка эксплетива). Собственно грамматика языка, то есть принципы «обращения» с лексическими единицами, остается неизменной.

Другое направление параметризации, предпринимавшейся в это время, — это параметризация самих принципов универсальной грамматики, или, пользуясь словами Хомского, «условий применения правил». Например, Х. Ласник предлагает параметризовать принцип С теории связывания, запрещающий связывание референциальных выражений, таким образом, чтобы в языках типа тайского или вьетнамского запрет на связывание касался лишь связывания референциального выражения местоимением (**Он_i думает, что Джон_i умен*), а связывание одним референциальным выражением другого было допустимо (*Джон_i думает, что Джон_i умен*) [Lasnik 1989]. Аналогичные предложения касаются понятия «управляющая категория» (Governing category) — области, в которой должно происходить связывание анафоров и не может происходить связывание прономиналов [Manzini, Wexler 1987]. Исследуя ограничения на выдвигание составляющих из структур разных типов, Рицци предлагает параметризацию «ограничивающих узлов» (Bounding nodes): в английском языке такими узлами являются NP и TP, а в итальянском — NP и CP; вследствие этого в обоих языках невозможно извлечение из острова сложной именной группы, однако в итальянском языке допустимо извлечение из *wh*-острова [Rizzi 1982].

Современные работы в области формальной грамматики отдают предпочтение параметрам первого типа. Причина этому состоит в стремлении

максимально упростить вычислительный компонент грамматики и по возможности свести универсальные принципы к эффективности вычисления и взаимодействия грамматики с интерфейсами, а межъязыковое варьирование — к различиям в признаковой спецификации лексических единиц (и в первую очередь — функциональных категорий) языка. Последнее допущение известно под названием «гипотезы Борер — Хомского» (Borer — Chomsky conjecture):

Инвентарь правил словоизменения и грамматических показателей любого языка идиосинкратичен и должен выучиваться на основании входных данных. Если все межъязыковое разнообразие отнести к этой системе, то окажется, что вся тяжесть освоения языка ложится в точности на тот компонент грамматики, относительно которого имеются явные свидетельства выучивания: словарь и его идиосинкратичные свойства².

Такой подход к параметризации межъязыкового разнообразия в конечном итоге задает универсальный шаблон организации параметра. Параметр регулирует (i) наличие некоторого признака в лексиконе конкретного языка, (ii) наличие у этого признака согласовательного (неинтерпретируемого) варианта и (iii) силу этого признака, то есть необходимость открытого передвижения некоторой составляющей, связанную с этим признаком [Longobardi 2005].

С дихотомией параметризации универсальных принципов vs. параметризации признаковых систем до определенной степени коррелирует дихотомия макропараметрических и микропараметрических систем. Во введении к своей книге «Параметр полисинтеза» Марк Бейкер пишет:

A priori может быть две крайних точки зрения на поверхностные различия между языками. С одной стороны, возможно, что, скажем, язык мохок отличается от такого языка, как английский, во многих второстепенных аспектах и лишь кумулятивный эффект этих несущественных отличий делает мохок столь структурно чуждым для носителя английского языка. С другой стороны, можно сказать, что мохок отличается от английского в одном существенном аспекте, но это отличие

² «The inventory of inflectional rules and of grammatical formatives in any given language is idiosyncratic and learned on the basis of input data. If all interlanguage variation is attributable to that system, the burden of learning is placed exactly on that component of grammar for which there is strong evidence of learning: the vocabulary and its idiosyncratic properties» [Borer 1984: 29].

так глубоко укоренено в грамматической системе, что затрагивает все виды языковых структур³.

Сходное противопоставление находим и в функционально-ориентированной монографии Бернарда Комри:

Как противоположность незначимым (для дальнейшего типологического сопоставления. — *Е. Л.*), индивидуальным типологическим параметрам, таким как присутствие или отсутствие в языке палатальной носовой фонемы, можно представлять себе холистическую типологию, т. е. набор типологических параметров, которые логически независимы друг от друга, но в действительности обнаруживают такую сильную корреляцию, что позволяют нам охарактеризовать всю структуру или по меньшей мере большую часть структуры произвольного языка⁴.

Макропараметрические системы предполагают иерархические классификации языков, построенные при помощи параметров разного уровня значимости: самые важные параметры определяют первичное разбиение, дальнейшие параметры выделяют подклассы внутри больших классов. Примером подобной системы может служить параметрическая иерархия М. Бейкера (см. Схему 0.1), в корне которой располагается параметр полисинтеза. Существенно, что вторичные параметры, предопределяющие дальнейшую кластеризацию выделенных классов, различны для разных классов. Так, например, среди полисинтетических языков выделяется два подкласса на основании уподобления прилагательных глаголам либо именам, в то время как неполисинтетические языки далее образуют подклассы на основании параметра вершины и факультативного полисинтетизма.

³ «A priori, there are two extreme positions one can take toward the superficial differences among languages. On the one hand, it could be that (say) Mohawk actually differs from (say) English in many, many minor ways, and it is the cumulative effect of all these little differences that makes Mohawk seem so alien to an English speaker. The other approach would be to say that Mohawk differs from English in one essential way, but this difference is so deeply embedded in the grammatical system that it affects all kinds of linguistic structures» [Baker 1996: 3].

⁴ «At the opposite extreme from non-significant, individual typological parameters like the presence versus absence of a palatal nasal phoneme, one might imagine a holistic typology, i.e. some set of typological parameters that are logically independent but in practice correlate so highly with one another that they enable us to typologize the whole, or at least a large part, of the structure of an arbitrary language» [Comrie 1989: 40].